

Михаил Ромм

СКУЛЬПТУРА

СНА

Михаил Ромм
Скульптура сна

«Э.РА»

2017

УДК 821
ББК 84 (2Рос=Рус) 6-5

Ромм М. Н.

Скульптура сна / М. Н. Ромм — «Э.РА», 2017

ISBN 978-5-99062-230-2

Творчество Михаила Наумовича Ромма хорошо известно в современной русской поэзии. Волей судеб он не относится ни к одной литературной группировке, что его самого всегда огорчало, а его читателей – радовало, потому что основой его поэтики является интерес к человеку как таковому, к вечным вопросам бытия, а не литературная игра как таковая. Где пролегает грань между «я мог бы сделать» и «я должен» – сомнение, глубоко занимающие автора. Поэзия Михаила Ромма открывает сложный, полный душевных мук и мятежей мир автора. Это четвертая книга поэта, в которую вошли избранные стихотворения 2008–2016 годов, два венка сонетов и большая повесть в стихах «За золотым руном». Книга рассчитана на взрослых любителей поэзии.

УДК 821
ББК 84 (2Рос=Рус) 6-5

ISBN 978-5-99062-230-2

© Ромм М. Н., 2017
© Э.РА, 2017

Содержание

К читателю	8
Времена года	9
О мае	9
Сладкий воздух	10
Июнь	11
Светлояр	12
Озеро	12
Невидимые жители земли	12
На огороде	12
Состояние	14
Зерно	15
Земляника	16
Начало осени	17
У речки лесной	18
Ранний сентябрь	19
Минотавр	20
Начинается дождь – получается снег	21
В Москве ещё кое-где ходят трамваи	22
Так было снежно	23
Ещё зима	24
Мартовские тюльпаны	25
Апрельский дождь	26
Ладошки звёзд	27
В зимнем кафе	27
Ева	28
Цветы на окне	29
Весенний снег	30
Тёплая свежесть	31
Ладошки звёзд	32
В прибое памяти	33
Огненный цветок	34
Ночная всадница	35
Мотыльки	36
В сентябре	37
Муму	38
Клаузевиц	39
Заложник	40
Тучка золотая	41
Недолгая любовь	42
Бусинки слов	43
Слова давно забытых строк	43
Неизвестный автор	44
Безумный бред, в котором звук угадан	45
Ночные прогулки	46
Почему я пишу стихи	47
Всё то, что живо мне и свято	48

Читатель	49
Моноспектакль	50
Песня	51
Вергинский	52
Есть люди	53
Бусинки слов	54
Деревянный меч	55
Жёлудь	56
Тайное желание	57
Моя муза	58
Бездарный поэт	59
Тетрадь	60
Корорп	61
Моим стихам	62
Нагая тишина	63
Мне снятся мёртвые друзья	64
Оранжевый шар	65
Оранжевый шар	65
Мы плачем	66
Тёмная материя	67
Алиса	68
Скульптура сна	69
Сон	70
В куполах	71
Шорох нити	72
Бадминтон	73
О любви	74
Мороженое. Аниме	75
Час колбас	76
Йодомарин	77
Анна	78
У огромного Бога	79
Влез лис	80
Хрущёвки	81
В скором поезде	82
Туманность Андромеды	83
Ахматова	84
В вечном городе	85
Не включая свет	86
Я	87
Реквием	88
Молитва	88
В сиреневой чаше тьмы	89
Я люблю вспоминать	90
Настоящая жизнь	91
Гомозигота	92
Готический сонет	93
Ушла	94
Дочка	95

О Боге и людях	96
О Боге	96
Сонет о Боге	96
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Михаил Ромм

Скульптура сна

Министерство абсорбции центр абсорбции новых репатриантов деятелей искусства и деятелей искусства, вернувшихся из-за рубежа

הטילקהו היילעה דרשמ
סירוזח סיבשותו סילוע סינמא תטילקל זכרמ

К читателю

Предлагаю вашему вниманию кое-что из написанного в 2008–2016 годах.

Самое важное для меня сочинение в этой книге – это повесть в стихах «За золотым руном», с этого я и рекомендую начинать чтение. Сразу хочу заметить, что суждения автора не всегда совпадают с мнением персонажей повести.

Лирическая часть представляет собой фактически несколько отдельных книг, где стихотворения собраны по принципу тематической близости.

Название некоторых разделов говорит само за себя. В подборке «Ладшки звёзд» собраны стихи о любви, «Бусинки слов» – стихи о творчестве как таковом, в разделе «Оранжевый шар» собраны экспериментальные опыты, «О Боге и людях» – философская лирика.

Гражданская поэзия в книгу практически не вошла. Вся гражданская нагрузка сосредоточена в повести «За золотым руном».

Прошу читателей отнестись с доверием к этой книге. Без доброжелательного настроя к автору чтение бесполезно. Так что все отобранные стихотворения выверены, и если в каких-то из них вы столкнётесь с ритмическими сбоями – это так и задумано. Я довольно часто использую неровности ритма для того, чтобы подчеркнуть прерывистость, взволнованность интонации.

Хочу сказать спасибо людям, принимавшим активное участие в редактировании и проверке текстов, вошедших в книгу: редактору Ирине Са, моим друзьям – Ольге Вин, Ольге Глухарёвой, Олегу Тимофееву, Андрею Урицкому и другим.

Их советы и поддержка помогли мне избавиться от многих ошибок и, как мне кажется, улучшить некоторые произведения.

Особенная благодарность автору оформления обложки, художнику Ольге Глухарёвой и верстальщице Инне Волковой за их работу и долготерпение.

Хочу поблагодарить всех, кто сделал возможным само это издание: Веру Горт, Михаила Польского, Эвелину Ракитскую, и, конечно же, сотрудников министерства абсорбции.

В заключение заранее выражаю признательность всем читателям.

С уважением, Михаил Н. Ромм

Времена года

О мае

Написать бы о мае, о поздней весне,
О рисунках детей на асфальте,
О прогулках ночных и о чём-то извне:
Дескать, звёздные иглы, не жальте!

Только нет ничего необычного в том,
И ленивый об этом не пишет:
Крупный месяц застрял за ближайшим углом,
Зацепившись рогами за крышу.

Юн оранжевый свет фонарей-фонарят,
Где, синяя в обманчивом мраке,
Номера на облезлых домах так горят,
Как пророчества тайные знаки.

Вот глотаю я воздух, как будто бегу...
Ну и пусть будут строки ничтожны,
Ну и пусть ничего передать не смогу,
Но молчать... но молчать невозможно!

Сладкий воздух

Сладкий воздух цветущего мая,
Влажный воздух прогулки ночной,
Смерть и боль я за это прощаю,
Я за это, мой Боже, с Тобой.

Потому атеистом и зверем,
Грязным циником, скептиком злым,
Боже, Боже мой, я в Тебя верю,
Признаю себя сыном Твоим.

Разъярённый, пустой и нервозный
Брошен в мире телесном, густом,
Но ведь эти далёкие звёзды —
Мой единственный дом.

Июнь

Благословен июнь в цветущих липах
Блаженной земляничною порой,
Весь в яблочных круглящихся полипах,
Налитых плотной белой кислотой.

Рвать яблоки уже я не рискую,
И всё-таки им радуюсь я вновь,
Июнь, как обещанье поцелуя,
Томит меня и будоражит кровь.

Приняв в объятия спального района,
Переполняет пряный аромат,
И смотрит город с каждого балкона,
Действительно преображённый в сад!

Неутомимый рост, не видный глазу,
Мой мегаполис бережно хранит,
И в тёмном парке юные проказы,
И тихий смех, и лёгкий жар ланит.

Светлояр

Озеро

Сияет озера покой —
Смиренный, ясный и покорный,
И облаков текучий строй
В воде недвижной перевёрнут.

Одеты свежую листвою,
Берёзы светятся как будто —
Росой осыпанное утро
В тени часовенки простой.

Привычный гомон не слышать,
И тишиною колокольной
Чужое слово «благодать»
Вдруг вырывается невольно.

Невидимые жители земли

Невидимые жители земли,
Живущие в земле, вернее – в почве,
Они плывут внутри, как корабли,
Но звёздам не заглядывают в очи.

Тяжёл их труд, им отдых незнаком,
У них одна забота и стремленье.
Подумаешь о мире их живом —
И остро ощущаешь отвращенье.

Остановившись вдруг, они умрут
И станут для товарищей работой,
Продолжится неутомимый труд,
И новой жизнью станут нечистоты.

На огороде

Начинается гневно и грустно,
Неспособна на грусть и на гнев,
Песня мглы в ореоле капустном,
Запугав, заглотив, обнаглев.

Острый голод – и лист мягкотелый
Режет нёбо лохматых небес.
Комья глины сухой...
Каравеллы
Раздвигают бушпритами лес.

Память лжи в треске лопнувшей почки,
Ржавый трактор, давящий лягух,
Параллели, сведённые в точки,
Стоны трав, обагряющих слух.

Завтра здесь кабачки-ренегаты
Толстомордые вцепятся в грунт.
Рыжий пёс поглядит виновато.
Доллар ляжет, поднимется фунт.

Состояние

Мне спокойно и радостно жить,
Мне ничуть не тревожно,
И лучей золотая финифть
Оплела осторожно.

В летней капельке ясного дня
Отражается солнце беспечно.
Это всё, это всё – для меня,
И дано мне навечно.

Детский смех над водой, тишина,
И небес голубых глубина,
И не хочется думать о том,
Что же там – за холстом...

Зерно

Вы видели когда-нибудь зерно?
Положено на влажную бумагу,
Иссохшее от времени, оно
В себя вбирает жизненную влагу.

Разбухло, вид величия лишён,
Так мертвенно-белесо и ничтожно.
Проходит день, и острый корешок
Натягивает тоненькую кожу.

Проклюнулся. Нелеп и некрасив,
Как будто коготь выпускает хищник,
А на спине набух уже нарыв,
И коготь все растёт и влагу ищет.

И вот росток ладони смог открыть,
Рождённый покорять и покорить.

Земляника

Господь придумал землянику.
Ломаю голову – зачем?
Хотел ли, Господи великий,
Полюбоваться, как я ем?

Она сверкает алым бликом,
По сути, лишняя совсем —
Причуда силы многоликой,
Не понимаемой никем.

А может, в мире иллюзорном,
Предвидя летнюю жару,
Бог знал: под листиком узорным
Удобно будет комару

У лакомства меня встречать,
Чтобы за жадность наказать.

Начало осени

Ранняя осень – позднее лето.
Солнце в зелёных ветвях.
Но желтизна проступает. И это —
Как седина на висках.

Пышно колышется зелень живая,
День ещё зноём печёт,
Но вот уже в горы листья сгребает
Дворников хмурый народ.

Россыпь рябины – парад ежегодный,
Радостная круговерть.
И кажется выдумкой космос холодный,
И кажется выдумкой смерть.

У речки лесной

Здесь у речки лесной, где звенит тишина,
Ночью небо становится ближе,
И горошины-звёзды на ветви сосна,
Точно бусы алмазные, нижат.

Млечный купол, сверкая, в тиши вознесён
Только изредка слышно из мрака,
Как в далёкой деревне облает свой сон,
Заскулит и затихнет собака.

Неожиданный плеск – лягушачий прыжок,
Вдруг посмотришь на воду, очнувшись,
Догорая, костёр затрепещет у ног,
Тёмным зверем уютно свернувшись.

Так искрится холодная осени вязь,
Насекомых народ усыпляя,
И опавшие листья, слегка серебрясь,
Кораблями в реке проплывают.

Ранний сентябрь

Сентябрь ранний – и не осень вовсе:
Деревья только думают желтеть,
Но всё-таки ты к худшему готовься —
Вот-вот наш мир закрутит круговерть.

На листьях солнце, как на фотоснимке,
Проступит, превратив их в образ свой,
А мне всё снятся чёрные ботинки,
Грохочущие в такт по мостовой.

Потом затянет тонкой коркой лужи,
Под инеем прогнутся провода.
И хоть я знаю: дальше будет хуже,
Парадоксально счастлив иногда.

Сентябрь 2012

Минотавр

Я блуждаю в лабиринте осени,
В тупиках кружит обманный путь,
Все улики преступлений косвенны,
Только боль опять стучится в грудь.

Для того ль меня ночами яркими
Одарял любвеобильный Бог,
Чтоб, засыпан щедрыми подарками,
Отдаться я уже не смог?

Небо клочковатое над крышами
Ловит взгляд в сплетение ветвей,
И теперь почти не слышно мне
Музыки в обители Твоей.

Оплетённый мелкими заботами,
Я запутал Ариадны нить.
И возможно, там, за поворотом тем,
Минотавр ждёт, чтобы убить.

Начинается дождь – получается снег

Начинается дождь – получается снег.
Близоруко мерцает фонарь.
Одиноко бредёт в темноте человек —
Получается тёплый январь,

А за окнами кто-то глядит на свечу
И мерцает в стакане свеча.
Кто-то в сумраке скажет: «Остаться
хочу...» —
И сухими губами коснётся плеча.

А в соседней квартире читает стихи
Тонкорукый подросток – мечтательный взгляд,
Под девчоночьей чёлкой полно чепухи,
И сжимает внутри, и колени дрожат.

Телевизор включён на втором этаже,
И невидимый зритель застыл перед ним.
И он смотрит свой сон, а не «ящик» уже,
Тот, что с улицы кажется чудом цветным.

Там, во сне, этот зритель застыл в янтаре
Золотым насекомым – теперь не вернёшь,
И запуталось время в лучах фонарей:
Начинается снег – получается дождь.

В Москве ещё кое-где ходят трамваи

В Москве ещё кое-где ходят трамваи —
То красный, то жёлтый сквозь серые дни,
Тут разноцветно и сладко мерцают
Автомобильных пробок огни.

Здесь в отражателях фар стрекозиных
Всплывает в сознании детство моё:
Мотор самолёта из тонкой резины
И «под крылом самолёта поёт

Зелёное море». И сам я, счастливый,
Смотрю – предо мной петушки-леденцы.
Мы ёлку купили. И все ещё живы —
Сегодняшних снов мертвецы.

Так было снежно

Так было снежно, снежно, снежно,
Как будто век копился снег,
Чтобы прорваться неизбежно,
И дом – не дом, а лишь ночлег.

И ветви чёрные каскадом
Обледенели в хрустале,
Пленённые своим нарядом,
Клонились, хрупкие, к земле.

Толпились рифмы, как созданья,
Враждебные для смысла слов, —
И мнилось, что существованье —
Всего лишь повод для стихов.

Всё так мучительно прекрасно
В узорной сказке ледяной,
И терпеливо, и напрасно,
А я... Я был тогда живой.

Ещё зима

Ещё зима. Весна – немножко.
Повсюду снег пока белеет,
Но солнца тёплая ладошка
Подставленную щеку греет.

Деревьям зелень только снится,
Но сны их в воздухе плывут,
В ветвях невидимые птицы
Об изменениях поют.

Повсюду проступают знаки,
Как бы штрихи на цветопробе,
Уже иначе две собаки
Барахтаются
в сугробе.

Мартовские тюльпаны

Три жёлтых тюльпана на фоне окна —
Зелёные выплеснув руки,
А там, за окном, – тишина, белизна,
Там снег, похищающий звуки.

В головках тюльпанов тропический рай,
В нём птицы не умолкают,
Плывёт крокодил и кричит попугай,
И рыбок прожорливых стая.

А может, Голландия грезится им:
Весеннее солнце ликует,
И ангелы дарят цветам молодым
Греховные поцелуи.

Где голубь косится из-за стекла
На кошку оранжевым глазом,
Три жёлтых тюльпана на длани стола,
Зажатые маленькой вазой.

Апрельский дождь

Земля открыта. Лёд расколот.
Снег прошлогодний не вернёшь.
И снова падает на город
Апрельский дождь.

Повсюду грязь, мокра одежда,
Но чуда ждёшь:
Приносит новые надежды
Апрельский дождь.

Все эти вздохи и туманы —
Благая ложь.
Но снова веришь, как ни странно,
В апрельский дождь.

И снова юное томленье,
И в сердце дрожь.
Предвосхищение цветенья —
Апрельский дождь.

Ладони звёзд

В зимнем кафе

Ты помнишь то кафе зимой?
Такой уютный запах...
Мы спрятались от стужи злой
В его мохнатых лапах.

Вошли в тепло, как корабли —
Два странника отважных,
Как бы достигнув той земли,
Где прошлое не важно.

Нам оставался только час, —
Не обсуждать любовь их.
И время замерло для нас
Паря над чашкой кофе.

Ева

Ты, как Ева, дрожала в объятьях моих,
В этот первый, единственный раз,
И была нам планета дана на двоих,
Целый мир, воплощённый для нас.

Время стало густым, как зима на ветвях,
Каждый миг впечатленьем наполнен,
Ещё лыжный румянец горел на щеках
И ласкали горячие волны.

Ещё свежестью зимней дышала ты вся,
Когда обнял тебя я нагую,
И шары отражали, на ёлке вися,
Как снежинки друг друга целуют.

Цветы на окне

Сияющая белизна двора
Хранит в себе следы ночной метели.
Зима в окне, как женщина с утра,
С которой я проснусь в одной постели.

В полуприкрытых веках уголёк,
Сон отпустить её ещё не хочет,
Герани фантастический цветок
На подоконнике раскрылся ночью.

Просвечивает солнечная ткань
И светом озаряет все предметы,
И снова заслоняется герань
Манящим и желанным силуэтом.

Коктейль усталости и чистоты —
Слепым предвосхищеньем,
новым всплеском,
И розовые на окне цветы,
На белизне очерченные резко.

Весенний снег

Падай, снег внезапный, в мартовские лужи,
Доверяясь ветру с запахом весны.
Как приятно думать, что кому-то нужен,
Что твоим дыханьем чьи-то сны полны.

В этом белом-белом красная машина
Медленно проедет призраком немым,
Безучастным знаком, вестником невинным.
Скоро будем рядом, а разлука – дым.

Всё, что ни случится, будет знаком только,
Время эфемерно, так же, как и мы.
Мы, как две снежинки, пляшущие польку,
Падаем на щёки умершей зимы.

Тёплая свежесть

Летнего утра тёплая свежесть
В окна влетает, зовёт.
Ждёт меня губ твоих мягкая нежность,
Взгляд твой сияющий ждёт.

Громко стучит электричка, натужно
Встречным составам трубя.
Всё, что мне нужно, всё, что мне нужно —
Просто увидеть тебя.

Был бы я ангелом неосторожным,
По облакам бы пошёл.
Вытерпеть это почти невозможно,
Так на душе хорошо.

Ладшки звёзд

Как подушку подставлю тебе плечо —
Окунись ненадолго в моё тепло!
Отведённое время не истекло:
Слышишь – кровь пульсирует горячо.

Нитью к нити вплетайся в мою судьбу,
Заблудись в паутине моих дорог,
Понимаешь, сгинем когда-нибудь,
Переступим каждый за свой порог.

Но покуда нас укрывает тьма,
И с планетой играют ладшки звёзд,
Я войду в твой космос, сойдя с ума,
Начиная новой вселенной рост.

В прибое памяти

Любоваться на тонкую вазу спины
И томиться восторгом от худеньких плеч,
За тобою следить из моей глубины,
Каждый шаг твой на память беречь.

Так тянуться, не веря, и думать – мираж,
Невозможно коснуться, быть рядом нельзя,
Только вдруг ты волною внезапной обдашь,
Тёплым морем, где тени скользят.

В сети солнечных бликов, в живой глубине
Пёстрой рыбкой прибрежных камней
Ты обнимешь меня, ты доверишься мне,
Станешь тайной моей.

Будет биться о берег прибой кружевной,
С галькой пальцами пены играть,
И ласкать изумрудной прозрачной волной,
И свою любовью качать.

Огненный цветок

Как двух начал извечных притяженье
Смыкает их, не ведая о том,
Так мы с тобой срастается в растение,
Вхожу в твоё тепло, как входят в дом.

И ты со мной! Лесная чаща, степь ли,
Квадратный угол городской тоски —
Качаешься ты, как цветок на стебле,
Качаешься, и руки – лепестки.

Слепые измерения сминая,
Вселенная Вселенную влечёт,
Царит богиня – всадница нагая,
И огненный цветок во тьме цветёт!

Ночная всадница

Весь мир зелёный в капельке сверкающей
Тебе несу я, милая. Лови!
Он пропадает в миге замирающем —
Губами ты его останови.

Взмах ласточки, стремительно летающей —
Легко прикосновение любви,
И нам с тобой такого никогда ещё...
О, шёлковые локоны твои!

Лети, ночная всадница горячая,
Слепым прикосновеньем ясно-зрячая,
Пуская вскачь покорного коня,

Сверкая обнажённости доспехами,
Над временем, над вечностью, над веками,
Проглатывай, как капельку, меня!

МОТЫЛЬКИ

От кудряшек на шее до кончиков ног —
Всю тебя, как себя, ощущаю,
Упиваюсь тобой, как языческий бог
Упивается свежестью мая.

Ты мне скажешь – судьба проверяет меня
И за счастье я буду наказан.
А любовь наша – яма, капкан, западня,
Сладкий яд, что прикончит не сразу.

И обнимешь меня, и ласкаешь, смеяшь,
Так ответь мне, любимая, разве,
Разве можно распутать, порвать эту связь —
Вдохновляющий солнечный праздник?

Мы – мгновенные блики на лике небес,
Мотыльками в звенящей лазури
Были рядом вот только – и каждый исчез,
Унесённый дыханием бури.

Но когда мы сольёмся, отступит испуг,
Ни ловушек, ни смерти, ни гнева:
Вырастает в сплетении тысячи рук
Над землёю могучее древо.

В сентябре

Милый друг, не грусти, что весна позади,
Не печалься, что лето промчалось,
Ещё бьётся весёлое сердце в груди,
Ещё целая осень осталась!

Ещё яблоки с яблонь на землю летят,
И арбузы – как узники в клетках,
Ещё держат деревья зелёный наряд,
Точно зонт над тобою на ветках.

Это счастье, как рыбка, в сеть солнечных дней
Угодило: «Ну что тебе, старче!»
И чем трепетный воздух с утра холодней,
Тем любовь моя чище и ярче.

Муму

Я героически приму
все изменения в сюжете,
и мы с тобой пойдём в «Му-му»
и чёрта по дороге встретим.

И будет нам не страшен чёрт,
и счёт, что нам предъявит время...
Оно иначе здесь течёт,
И здесь приветливы со всеми.

Мы будем глупо хохотать
и чувствовать себя моложе.
Кассирша, добрая, как мать,
Конфетку на поднос положит.

И, отделённые стеклом
от бега улицы тревожной,
мы наклонимся над столом,
мы будем очень осторожны.

Клаузевиц

Днём я – блистательный Клаузевиц,
Днём я – Ротшильд, я стойкий.
Ну, а ночью смываю с тебя твоих птиц,
И откуда их, маленьких, столько?!

Светлый лес мой осенний, опавший мой друг, —
Ты хранитель мой, ты и свидетель...
Ты моё воскресенье, мой сладкий испуг...
И в моей голове твои дети.

Среди белых квадратов лежу я без сна
И транжирю горячую воду.
Ольга, Олечка, Оля, – моя тишина...
Семена этих птиц – на свободу.

Заложник

Всё неправильно и некстати:
У тебя – семья, у меня – семья,
Ты мне скажешь, что я предатель...
Но ведь только заложник я.

Я заложник, вернее, узник,
Осуждённый на много лет,
Ты – единственный мой союзник —
В темноте – голубой просвет.

Обрешеченное оконце...
Но, коль день не залит свинцом,
Тихо в камеру входит солнце,
Согревая моё лицо.

Ты палишь меня и тревожишь
Недоступным золотом дня.
И уйти от меня не сможешь
Ты ведь, в сущности – часть меня.

Тучка золотая

Улетела тучка золотая,
Снова я один, как тот утёс;
Плачет осень, в клёнах угасая,
Как всегда, внезапно – время слёз.

Как всегда, внезапно холод дует,
Но всё мнится: ты ещё любим.
Горький вкус последних поцелуев,
Точно осень, он неотвратим.

Вместо звуков в радиоэфире —
Треск помех, так обрывают нить...
Свет погашен, и в пустой квартире
Ни желанья нет, ни силы дальше жить.

Недолгая любовь

Перебирает ветер волосы,
Как будто бы рукой твоей,
И среди тени света полосы,
Как память наших общих дней.

Ныряю в эту память окунем —
Неси, волшебная река!
И не сентябрь греет щёку мне,
А тёплая твоя щека.

Спасибо солнцу, – каждый луч его
Тебя мне возвращает вновь,
Ведь все, что было в жизни лучшего —
Твоя недолгая любовь.

Бусинки слов

Слова давно забытых строк

Слова давно забытых строк,
Печаль давно забытых истин,
Любви бессмысленный урок,
Засохшие в бокале кисти.

Руки небрежный поворот,
Разбитое случайно блюдце, —
Всё вновь и вновь меня зовёт
К безумью творчества вернуться.

К тем невозможным островам
Бесплодной и прекрасной Грёзы;
И плачу я, и по щекам
Солёные стекают слёзы.

И Вечность из горсти водой
Поит бредущего в пустыне —
Комочек разума живой,
Что в равнодушной бездне сгинет.

Неизвестный автор

Автор был смешным и славным,
Словно Чарли Чаплин,
И ни в чём он не был главным,
Никогда, ни капли!

Автор не искал успеха,
Изнутри светился.
После смерти, вот потеха,
Тотчас же забылся.

А стихи его – стишочки
Бродят в мире нашем,
И повсюду строчки, строчки
Тросточками машут.

Безумный бред, в котором звук угадан

*Я по лестнице приставной
Лез на включенный сеновал,
Я дышал звезд млечной трухой,
Колтуном пространства дышал.*

О. Э. Мандельштам

*Невидимые кони не оставляют следов
Китайская мудрость*

Безумный бред, в котором звук угадан —
Холодный звон пружины мировой.
Как жалок человек, кадящий ладан,
Перед сверкающей с небес звездой.

Он крошит хлеб орлу, он так уверен,
Что чист от первородного греха,
И открывает в бесконечность двери,
А там, за ними – млечная труха.

Там бормотанье нёба не в ладу
Со всем, что мелко, мелочно и внятно,
Что поймано на логики уду,
Что схвачено и признано печатным.

Шуршанье слов на языке комет,
Но эти звуки выше их значенья, —
Структура смысла, замысел творенья
Невидимы, и не оставят след.

Ночные прогулки

Сегодня ночью я один на свете.
Собака, друг, веди на воздух нас,
Где на пороге Космос
меня
встретит,
В глаза направив иглы звёздных глаз.

Ну здравствуй, Папа! Ты такой огромный,
Что не заметен за мельканьем дня.
Но нынче ночью, здесь один я помню,
Что всё это Ты создал для меня.

Вот мой дневник – фальшивых нет отметок,
Но здесь один Художник – это Ты!
Всё это Ты – узор весенних веток,
И фонарей оранжевых цветы.

А я?.. Ни ночь, ни воздуха морозность, —
Не передать мне людям ничего.
И я умолкну, созерцая звёздность
Таинственного мира Твоего.

Почему я пишу стихи

Есть кухня, есть утро, есть мартовский снег, —
И в этой застывшей картинке
Мне кажется – я не совсем человек —
Я падаю в каждой снежинке.

Таинственный мир, я в него погружён,
Как в шутку, удачу, безделку.
В плетёном гнезде пролетает сквозь сон
Пушистая чёрная белка.

Внутри меня бродят живые слова,
Хвостами соединяясь,
И лопнет хлопушкой от них голова,
И вспыхнет, как «мэнэ» и «фарэс».

И лампочки-рифмы тихонько звенят,
Как часть уравнения в системе.
И это не время течёт сквозь меня,
А я протекаю сквозь время.

Всё то, что живо мне и свято

Всё то, что живо мне и свято,
Для всех – мертво и тяжело.
Такая за любовь расплата —
Украденное ремесло.

Конечно, не для передачи
Дается тайны чистый звук —
Причудами слепой удачи —
Квадратом выплавленный круг.

И лишь тебе, за узкой дверцей
Невнятицы строки моей,
Быть может, перехватит сердце
Тоской неясной соловей.

В душе забьётся малой птицей,
Забрезжит в синеве звезда,
И ты, склонившись над страницей,
Мой мир почувствуешь тогда.

И свежесть утреннего вздоха,
И облака прощальный взмах,
Печальных перемен эпоху —
Вкус земляники на губах.

Читатель

Читатель, где ты, мой читатель?
Ау... ау! Ты где, мой друг?
Тут каждый – недоброжелатель,
Одни писатели вокруг!

Вот напряжённо и ревниво
Они за строчками следят:
Одним скучны мои порывы,
Другие – откровенно спят.

Конечно, бедолаги ночью
Творили, не смыкая глаз.
От этого устали очень...
А ты не посещаешь нас —

Вернись, вернись, вернись, читатель —
Спаси у бездны на краю!
Я покормлю тебя и, кстати,
Ещё и рюмочку налью.

Моноспектакль

Среди разноцветных и ярких картин,
Клубка из удач и печали,
Жизнь – моноспектакль, и зритель один
На сцене огромной и в зале.

Опять он выходит один против всех,
Сам собственный враг и союзник,
И сам у себя вызывает он смех —
Своей бесконечности узник.

Бывает любим и бывает влюблён,
И смотрит глазами ребёнка,
Назначенной ролью от всех отделён,
Как будто невидимой плёнкой.

Не слышно пространству, о чём он кричит —
Ведь звук отключили нарочно.
А воздух отечества сладко горчит,
Да так, что становится тошно.

Песня

Такой отвратительно мерзкий улов
Из рыб, что драконам под стать.
И если никто не читает стихов,
Зачем же тогда и писать?

Теперь красота – барахло от Кутюр,
Мерзавцам за подлость в награду.
Плетёный узор шелестящих купюр
Похитил сияние радуг.

Защитник свободы – милиционер —
Стоит на посту возле храма,
В умах торжествует Святой Люцифер,
А в душах – реклама.

Шуршат, как пожухлые листья, слова,
Что раньше набатом звучали,
И песня стихает, начавшись едва,
Себя немотой измочалив.

Мучительно сжаты немые уста,
Но звуком наполнен я весь —
Вот-вот она грянет, сильна и чиста,
А всё потому, что ты есть!

Вертинский

Обидчивый паяц, банальный белый клоун,
Как многих пережил твой одинокий цирк!
Ты снова в тишине выходишь на поклоны,
Проклятый эмигрант или любимец ВЦИК.

Что чёрный диск шипит на старом патефоне,
Заботливо храним в формате эмпэтри?
И голод, и война, и ты на этом фоне,
Эффектный бонвиван, немислимый esprit.

Всё то, что сожжено, осмеяно, разбито,
Застенчиво звучит в заброшенном раю
Загаженной души... Среди тупого бита
Картавый твой куплет я сам себе пою.

Есть люди

Есть люди – они не читают стихов,
И прозы они не читают.
Их мир для меня бесконечно суров:
Пустыня от края до края.

Напрасно их мысленный образ леплю,
Насупленным филином сидя:
Им мило всё то, что я так не люблю —
За это на них я в обиде.

Кому достучаться до них по плечу?
К заложникам телеэкрана,
Я делать для них ничего не хочу,
Души не отдам им ни грана!

Но, Господи, как же прекрасен твой сад,
Когда, посмотрев исподлобья,
Вдруг встретишь в толпе человеческий взгляд,
И видишь в нём богоподобье!

Бусинки слов

Неужели, собирая бусинки слов
В ожерелье из запутанных строк,
В жизни что-то изменить я готов,
Возвратить то, чего не дал Бог.

Нет и нет. Я только беглец
От скандалов, от рекламы продаж,
Своей крохотной вселенной творец,
И полушки за неё ты не дашь.

Хоть она невелика, но моя,
Потому, что никому не нужна.
Я дракон – и вот моя чешуя,
Моя родина – волшебная страна.

Ну, а завтра – замки и песни волхвов,
Тёплый воздух, что на крыльях несёт, —
Это будут только строчки стихов,
Только буквы на бумаге – и всё.

Деревянный меч

*На стёкла Вечности уже легло
Моё дыхание, моё тепло*

О. Э. Мандельштам

О, если бы слова мои могли
В сердца людей ложиться тяжело,
Менять свечение звёзд и путь Земли,
И запотело б Вечности стекло!

Нет, я – дитя с игрушечным мечом,
Срубающим травинки на лугу.
Мой детский гнев растениям нипочём,
Остановить их рост я не могу.

Так невелик ответственности груз,
И вдруг, застыв неосторожным богом,
Над бабочкой в отчаяньи склонюсь —
Над бабочкой, убитой ненароком.

Жёлудь

Гортань курлычет нам, как журавли,
И проливает смысл своих наречий,
И стих бурлит от замысла вдали,
Вдали от ясных слов и внятной речи.

А мы лишь думаем, что знаем наперёд
О том, что, в полутьме блуждая робко,
Туманным утром мимо нас несёт
Прохожий в черепной своей коробке.

И мы в него не верим, нет и нет!
Что у него там, бред ли, мыслей молодь?
А он хранит внутри себя сонет
Простой и совершенный, словно жёлудь.

Тайное желание

А всё-таки хочется славы, хотя б и посмертной,
Не юных поклонниц, не пыли библиотек, —
Название улицы, школьный учебник инертный,
И памятник весь в голубином помёте. Навек.

Да, я понимаю, что глупо, напрасно, без шансов,
Ничем я не лучше таких же, как я, бедолаг,
Эстрадная песня и пара-другая романсов,
В музее пылится мой порванный старый башмак.

Всё это – не то. Я совсем не об этом мечтаю,
Но хочется знать, что когда вдруг навалится грусть,
Найдется хоть кто-то и тихо стихи прочитает
Себе в утешенье, хоть парочку строк наизусть.

Моя муза

Моя муза мечтает о тропиках,
О седом Сингапуре поёт,
Она носит короткие топики,
Открывая красивый живот.

Капитаны, туманы и кортики
Колокольцами в мыслях звенят.
Она носит короткие шортики,
Круглой девичьей попкой дразня.

И разбойными, дикими шутками
Донимает соседских ребят,
И гордится чуть видными грудками,
Перед зеркалом глядя себя.

Вертихвостка, нахальная прожига,
Любит сладости и чудеса.
Шевелюра оранжевым ёжиком,
А в глазах разлились небеса.

От проказницы до распутницы,
И слогов тут не сосчитать,
Вот такая досталась мне спутница —
В облаках повитать.

Бездарный поэт

Крошатся зубы, выпадают пломбы,
Тоска не умещается в строфу,
И книг неразорвавшиеся бомбы
Пылятся в чемодане на шкафу.

И всё в них пресно, вяло, небогато,
Глагольной рифмой автора несёт.
Холодный взгляд несчастного собрата —
Кривой усмешкой перекошен рот.

И скоро самого уложат в ящик,
Напрасно израсходован весь пыл.
Но вдохновенье было настоящим,
Восторг прозренья настоящим был!

И тишина сиянием лучилась,
И душу наполняло торжество.
А то, что передать не получилось,
Для Вечности не значит ничего.

Тетрадь

В царапинах, на пожелтевшей плёнке
Из кинохроники военных лет
Среди развалов камня и щебёнки —
Дивана покорежённый скелет.

В обломках развалившегося дома,
В том городе, где некому страдать,
Трепещет на ветру под грудой лома
Не слишком обгоревшая тетрадь.

Там, на страницах, полные предчувствий,
Надежд и смехотворной чепухи,
Наполненные затаённой грустью —
Написанные от руки стихи.

Листки переворачивает ветер —
Лохматый добродушный идиот...
Хотя теперь на вымершей планете
Никто уже ни слова не прочтёт.

Корорп

*И Он мне грудь пронзил мечом
И сердце трепетное вынул.*

А. С. Пушкин

Нет, грудь никто мне не пронзал,
Никто мне не давал гарантий,
Огнём на небе не писал,
Не отражался в бриллианте.

Вот эта грязь – и есть мой трон,
Когда, красивый и румяный,
Через меня проходит Он,
А я в грязи валяюсь пьяный.

Ничтожеством на дно упав,
Уже обугленный гореньем,
Я принимаю вдохновенье
Из ангельских мохнатых лап.

Моим стихам

*Моим стихам, как драгоценным винам,
Наступит свой черёд.*

М. Цветаева

Но верила ли ты, когда писала,
Что так и будет, что черёд придёт?
А лампочка горела вполнакала,
И вытекала жизнь – за годом год.

И всё вокруг – предлог, неожиданный повод
Для жадных строк, – один сплошной надрыв,
А за плечом – потусторонний холод
Стоит, горячей крови пригубив.

И чтобы разорвать его объятья,
Где на л юбой вопрос всё «нет» и «не»,
Ты выдумала это, как заклятье
В пустынной, равнодушной тишине.

Но победил он, сколько ни кричи нам,
И выпил всю, но вдруг затосковал,
И вот тогда твоим стихам, как винам,
Черёд настал.

Нагая тишина

Нагая дремлет тишина,
Укутанная тёплым домом.
Сидит столетье у окна
С открытым наудачу томом:

Бумажный звон колоколов
Гудит в груди биеньем встречным —
На речке радуги улов,
Что удаётся подстеречь нам.

А голос бьётся, как малёк,
Зажат в ежовых рукавицах,
Так жалок, гулок и далёк —
Стоит слезами на ресницах.

И в сумерках его небес
Московская пружинит плаха,
И пушкинский смеётся бес
От наслаждения и страха.

Мне снятся мёртвые друзья

Мне снятся мёртвые друзья,
Их новые стихи,
Но строк оттуда взять нельзя
С собою никаких.

Сюжеты помню снов своих,
И все детали быта,
И даже почерк строк чужих,
Вот только текст – размыто.

Рассеяно весь день брожу
И близких раздражаю:
Зачем я с мёртвыми дружу,
Зачем припоминаю?

Как знать, быть может, завтра сам
Пойду к друзьям по лугу
И, наконец, останусь там —
Читать стихи по кругу.

Оранжевый шар

Оранжевый шар

Оранжевый шар. Эхо хрущёвок.
Сломан шорох ногой.
В ладонях Бога между двух створок
Раковины. Изгой.

Неподалёку собака завоет.
Три часа ночи. Двор.
Один на один с ледяным покоем,
Отдан ему на спор.

Лакомый лоскут услад любовных,
Горящий радугой клад,
Фантазий зубастых, нагих, огромных,
Внутри гремящих цикад.

Оранжевый шар тонконогих сплетен,
Томный гетеродин.
Когда выходишь на встречу с этим —
Всегда один на один.

Мы плачем

Мы плачем – чтобы нас утешить
не сыщешь средства,
и мы ещё не понимаем,
что это – детство.

Никто не любит, всё надоело,
Жизнь затянулась.
И мы ещё не понимаем,
Что это – юность.

Игрушки дарим нашим детям,
Самим хотелось...
И мы ещё не понимаем,
Что это – зрелость.

Всё наполняется значением,
Любая малость,
И мы ещё не понимаем,
Что это – старость.

И мы хотим назад вернуться,
скребём руками.
И мы ещё не понимаем:
над нами – камень.

Тёмная материя

Возможно, что наше зренье
Меняет для нас местами
Не только вектор пространства,
Но свет меняет на тьму.
И свет этот нам не виден,
Скользит между нас тенями,
А мы, как звезды галактик,
Притягиваемся к нему.

Мы двигаемся в тоннелях,
Тоннели властны над нами,
А кажется, что «на воздух»
Решили на выходных,
Но Бог – это просто мальчик,
Играющий с пузырями,
А чёрные нити мрака —
Блики от стенок их.

В немислимом измереньи,
В какой-то гигантской ванне
Вершатся взрывы сверхновых
И буквы в моей строке.
Все мысли, и все победы,
И весь наш Мир несказанный —
Возможно, всё это блики —
Блики на потолке.

Алиса

Наверное, это какая-то химия —
Слышнее цвета в тишине;
И я к пустякам обращаюсь по имени,
Как кролик в волшебной стране.

Реальность дрожит за дверями незрячими —
Накопленная слеза,
И тянут ко мне свои шеи ребячии —
Заметные вдруг чудеса.

Вот контуры входов вокруг зажигаются,
И кто-то кричит за спиной.
Нора моя только ещё начинается:
– Алиса, за мной!

Скульптура сна

Проложив дорогу в ложной памяти
Сложной лентой лопастей,
В хрупком розовом пергаменте
Сладких девичьих затей.

Вызнав, выпрыгнув и выстрелив,
Хохот, сложенный в рукав,
Постигая нежность и прилив,
В ткани ласковой упав.

Исподволь в спиральном куполе
Голубями в глубину,
Представленья – клоун, трупца ли,
Пали в лунную волну.

Сон

Что верно, не должно быть сказано.
В глазах у девы – крик царя;
Обломки над пустыней разума
В неясном зареве парят.

Лицом на жёлтой фотографии
Проявится углами след,
Ручьями точной каллиграфии
Несостоявшихся комет.

И чёрный холст прозрачной сферою,
Истуканный песками звёзд,
Совьётся в купол люциферовый
Надежд и ласковых угроз.

В куполах

Тёплой утренней постелью,
Нежной мякотью небес,
Щёк румяных карамелью,
Радужной страной чудес

Манит жизнь – беспечной рыбой
Окунуться в свой поток.
Разве можно сделать выбор?
Кто-то может – я не смог.

Плотный облак полушарий,
Луна лунных куполов —
Влип, как бабочка в гербарий,
Благодушный богослов.

Ранит лакомку расплата,
Робости не побороть.
Лупит лопастью лопата,
Разрывает ямы плоть.

Прячут скрипки музыканты,
И хрусталь погас,
Кончен бал, и вот куранты
Бьют
Двенадцать
Раз.

Шорох нити

Шорох нити в руках. Пред воздушным змеем
В бриллиантовых каплях дороги мрака
Голова болит, и сознание тлеет
И скулит, как раненая собака.

Так давно срастаешься с этой болью —
Только руки дрожат, когда держишь Космос.
Как росток, покидаю теперь юдоль я,
Раздвигая собою пространства косность.

Тяжело внутри, но ведь нету веса
У души, и она наверху трепещет —
Натянула нить, бьёт органной мессой,
Прямо в небо бьёт, в дома и вещи.

И с тобой сегодня мы будем рядом —
Нас связала вместе мостом железным
Не любовь, не секс – просто встреча взглядов,
Встреча взглядов над голой бездной.

Бадминтон

Волан летит, летит волан,
Звенит в руке ракетка,
Ты девочка, я – мальчуган.
Волан застрял на ветке.

Сбивая яблоневый цвет,
Он падает к нам в рук.
А сада нет, и мира нет —
Вокруг умолкли звуки.

Волан летит, и ветра смех
Его не догоняет.
Ты прыгаешь – и юбка вверх.
А я волан роняю.

О любви

Предчувствие, предвосхищенье:
Пчела в цветке.
Легко мелькающую тень я
Дарю руке.

Так остро, живо, интересно
Возвращено,
И лесть влюблённых слышать лестно,
Как пить вино.

Река, доверенная зренью,
Вся – нагота.
Вотще дрожащее терпенье,
Цветок – мечта.

Ловлю, хватаю тонкой сетью —
Нет, не поймать.
И сонные тысячелетья
Ползут опять.

Мороженое. Аниме

На снежинку внезапно брошенный,
Обнажённый, горячий взгляд:
Ангел лакомится мороженым,
И от счастья крылья дрожат.

Вот колени, голени голые,
Сладок чувственных губ изгиб,
Чуть трепещут веки тяжёлые —
Не смотри, а не то погиб!

Улыбнётся – и разум побоку,
В голове золотая пыль.
Ангел линией, лодкой, облаком
Растворится среди толпы.

Час колбас

Час колбас и ананасов,
Стёкол лёд и струйных вин,
В блюде плачущее мясо,
Серп сыров и осетрин.

Опрокинутая люстра —
Как латунная латынь,
Сладким чавком, хрюслым хрустом
Хрусталей и сочных дынь.

В голове голодной грёзой —
Ослепляющая муть,
Бликов призрачные звёзды
Норовят в живот пырнуть.

Йодомарин

Надевает старый Пан очки,
Бродит медленно по клетке,
Где кусочек моря в баночке,
В белой маленькой таблетке.

Шевелятся крабы, блики и рачки,
В изумруде моря очумело.
Щурит Пан глаза – слепые дырочки,
Видит море он в кусочке мела.

Так сидим вдвоём – прогресс и я,
Друг за другом наблюдая.
Что ж! Осенняя депрессия
Нас обоих донимает.

Надо бы на небо формуляр внести —
Отпусти, мол, Боже, с тесной кухни.
Впрочем, завтра мы достигнем
сингулярности,
И тогда само всё это рухнет.

Анна

Анна – красное на белом.
Голос ангела извне.
Боль-блудница смуглым телом
На белой лежит простыне.

Остро-дрожащие розы,
Охваченные зимой —
На белизне пастозной
Растрёпанный ангел мой.

Выплеснув алым звуком
Белый гимн тишине,
На горечь, на злость, на муку
Даровано счастье мне.

У огромного Бога

Наших маленьких жизней – нас
у огромного Бога
так много
в ладонях... и,
по правилам грубой игры,
как бы он ни старался...
драчливых, убогих
не удержит никак:
кого-нибудь – раз —
и уронит.
А на вымершем Марсе
и вовсе гуляет сквозняк.

Влез лис

Влез лис
на леса,
снял соль
с колеса.
Лес – лаз
в небеса,
соль – слёз
голоса.

Лес – сад
ласковых лоз.
Рос свет —
кладезь полос —
плёл плоть
и угасал.
Лес лис
светом лизал.

Хрущёвки

Ничего не замечая,
Сокрушительный и ловкий,
Сильной лапой кран ломает
Рёбра тонкие «хрущёвки»,

В груди балок плесневелых
Под рукою беспощадной
Обнажая кафель белый,
Неожиданно нарядный.

Кафель белый – жизнь чужая,
Чьи-то грёзы и надежды.
Кто теперь по ним скучает?
И кому грустить о прежнем?

Опускается рука ведь,
Только сыплются дощечки,
Рушит стены, рушит память
Внутри крана – человек.

Смотрят праздные зеваки,
Не уходят, созерцая:
Их соседние бараки
Разрушенья поджидают.

Поджидают в тёмных окнах,
В серых домиках из вафель,
Где пелёнки в кухнях сохнут,
Где поглаживают кафель.

В скором поезде

Сплошь борщевик, кусты ракиты,
И полевая россыпь трав,
На небе облака разлиты,
От образов своих устав.

Хвосты растрёпанные перьев
Перебирает высота,
И математика деревьев
На первый взгляд вполне проста.

Вперёд несётся поезд скорый,
И за окном скорей, скорей:
Повторы, вечные повторы,
И умножение дробей.

В окне меняются фрагменты,
И в них уже признать готов
По кругу пущенную ленту
Из одинаковых кусков.

Но режиссёр – неэкономный,
И точно скроены куски,
И всё мерещится огромным,
Неповторимым до тоски.

В еловых лапах тонкой вязи,
В нарядах пёстреньких берёз,
И мнимое многообразие —
Однообразный стук колёс.

Туманность Андромеды

Я читал «Туманность Андромеды»,
В тот момент, когда меня нашли.
Продолжались разума победы,
К звёздам отправлялись корабли.

Лето. Сосны. Пионерский лагерь.
Флаги. Конкурс песни строевой.
Вечером, по испареньям влаги,
Все на танцы двинулись гурьбой.

В книжке мир так хорошо устроен,
Все народы – дружная семья...
Чтоб меня оставили в покое —
Это всё, к чему стремился я.

Вспоминаю полную печали
Музыку, звучащую вдали.
Звёзды равнодушно наблюдали,
Как меня лупить поволокли.

Ахматова

Как будто в сон, проваливаюсь в книжку,
Где девы смуглые, не знавшие любви,
Где васильковоглазая малышка,
И где возводят зданья на крови.

Лиловый зимний город остро пахнет
Холодных мандаринов кожурой,
И нет тоски, и горечи в слезах нет.
Всё собрано в кристалле темнотой.

Те павшие – расстрелы, как медаль им,
Им дым отечества, не сладкий – горький дым.
Но всё это становится хрустальным,
Изысканным, желанным, неземным.

И сыплется расстрелянное счастье,
Пронизывая опустевший век,
Как лёгкие будёновские части,
Летит за взводом взвод, за снегом – снег.

И всё уже сливается в метели,
Всё кружится – поди, останови!
Там смуглая играет на свирели,
И девушки, не знавшие любви...

В вечном городе

В вечном городе пляшущие монашки,
Листья оливы, скрученные жарой,
В твоей памяти, как будто в чужой рубашке,
По потрескавшейся мостовой.

Светло-серые зеркальца двери
В глубину забирают мой взгляд.
На колоннах мраморных звери
Стерегут соловьиный сад.

Точно пьяный христовой кровью,
Я чужое мерцанье пью.
Сон, склонившийся к изголовью,
Караулит добычу свою.

Не включая свет

Сижу я, не включая свет,
И сумерки встречаю,
И думаю, что смерти нет,
Как дна у чашки с чаем,
И вся дневная копотня,
Ловушки и препоны —
Всё просто повод для меня
Смотреть в проём оконный,
Где собирается гроза,
Где липа жмётся к раме,
И спит фантазий бирюза
В разворошённом хламе.
Так с темнотой растёт мой храм:
Диван, компьютер, телик,
И божество теперь я сам —
Застрявший в этом теле.

Я

«Когда-нибудь меня разоблачат...»

Эвелина Ракитская

Я не тот, кто способен объять и понять,
Как грохочет лавина в раскатистых «эл»,
Как ласкают грома изумрудную рать
Облаков, заполняющих грозный предел.

Я могу притворяться то тем, то другим,
Опасаясь, что миг – и меня обличат,
Но я сам для себя – ускользящий дым —
Вихрь желаний и пламя утрат.

Ускользает в воронку живая вода,
Ниткой смерча – внутри водяная спираль.
Я – никто, и уйду, не оставив следа,
В никуда или в хрупкую эту печаль.

Ни представить, ни сбыться, а только предстать —
Водяная качается тонкая нить.
Кто я? Тот, кто не может понять...
Не понять, а в немом изумлении застыть.

Реквием

Молитва

Я пытаюсь молиться, молиться
О тех, кто так дорог мне,
И вижу – горят их лица
Во времени, как в огне.

Жертвой какой и данью
Этот унять огонь?
Всю жизнь мою, все желанья
Возьми, только их не тронь!

Последним усилием веры
В Доброе Божество,
От чёрной катящейся сферы
Кого спасу? Никого?

Но если кого-то выбрать,
Центром моей мольбы...
Выбор такой хуже дыбы
И тяжелее судьбы...

Господи, дай мне силы
Верить в Твою правоту!
Тени родных и милых —
Скользят в пустоту.

В сиреновой чаше тьмы

В сиреновой чаше тьмы холодные пальцы веток,
Касаются нас, касаются нас.
Уходим от зноя мы,
Но мы позабудем этак
Всё то, что касается нас,
То есть, касалось нас.

В прохладную тень уйти
От дикой сжигающей боли,
От ненависти к себе, ненависти к себе.
А ветер вверху летит,
Ему позволено, что ли, —
Шуршать здесь и там в ворожке,
В воздушной своей ворожке.

А те, кто нас будут звать —
Не все, дескать, песни спеты,
Что, дескать, рано, так рано мы собрались сюда,
Не могут пока понять
Связь между тенью и светом,
Из рожи сиреновой этой
Нам не уйти никуда,
Не уйти никуда.

Я люблю вспоминать

Я люблю вспоминать о весёлой пирушке,
О смешливых друзьях и хорошем вине,
Вспоминать о прелестной чудной хохотушке,
Что когда-то доверилась мне.

Как искрились огни в наших пенных бокалах,
Отражая «изысканный» стол.
Как кружилась она, как она танцевала,
Как я к ней подошёл.

Хорошо вспоминать свежесть утра у моря,
Плески стаи дельфинов вдали,
Просто за руки взяться, смеяться и спорить,
Почему так легки облака-корабли.

Вспоминать в темноте, под романсы метели:
Это было ли? Нет ли? Уснуть.
Бьётся выюга в окно, холод рвётся сквозь щели,
И уже ничего не вернуть.

Настоящая жизнь

«Настоящая жизнь»
Обняла меня крепко и страстно,
Подарила мне смерть,
Отдала ни за грош мою плоть...
Я, как рыба в сетях, понимаю, что битва напрасна —
Мне себя не простить,
Мне вины своей не побороть...

Где ты, Солнце мое?
Небо серо и крыши под снегом,
И кричит вороньё
Над случайным ночлегом.
О, какие шершавые руки
У этой любви,
О, какие красивые зубы у этой разлуки,
Эти зубы в крови.

Гомозигота

Всего-то —
Гомозигота!
Электрический кабель,
Ноутбук пополам. Погибла работа,
На хрена тебе песня, ма бель!

Кушай доча, кушай свои кашки,
Наверное, вкусные – почти что молочная смесь,
А если мешают маленькие бумажки,
Так это папины, в этом он весь...

Ну а диван мы завтра отмоем,
Главное, доча, ты не кричи,
Не порть настроение перед отбоем,
Усну с тобою
в пустой ночи.

Где твоя мама? – В прятки играет,
Холодные руки к ней тянет Джек...
Давай притворимся, что мы не знаем
И погуляем
под плёнками век.

Готический сонет

Вся жизнь моя проходит на краю,
Висит над пропастью зловещей.
Сегодня я клянусь судьбу мою,
А завтра стану бесполезной вещью.

Запущен дом, и окна в нём грязны,
Во всех углах и сор, и паутина.
В нём сны всегда страшны, цветы больны,
Зачем их поливать, раз тоже сгинут?!

Весь праздник мой – пустая суета,
Что было важным, лишь казалось важным,
Сокровища не стоят ни черта,
И чёрный рот земли зияет влажно.

Смотрю в альбом испуганным животным,
На фото – ты смеёшься беззаботно.

Ушла

Ушла. Осиротел любимый медвежонок,
Наохлившись, сидит один в своем углу,
А месяц за окном невыносимо тонок,
И лунный свет, как шрам, прорезан на полу.

Никто, никто теперь игрушку не обнимет,
И не уложит рядышком в кровать.
Холодный лунный блик в глазах слезами стынет,
Он никогда не спал, он не умеет спать.

И он лежал во тьме, сердцебиенье слушал,
Твой плюшевый вассал, мохнатый визави,
И лился шёпот твой в игрушечные уши,
О том, как жизнь страшна, как много в ней любви.

Испачканный живот, отпоротая лапа...
Зачем так много ног вчера пришли сюда?
Но нет, не плачет он, он не умеет плакать.
И повторять себе, что больше никогда...

Дочка

Всё стало как-то по-другому...
Она качает головой,
Вдруг заявляет: «Мы не дома»,
И говорит: «Хочу домой».

И объясняет мне: «Там мама,
А этот дом – совсем не дом».
И снова хмурится упрямо:
«Ну, папа, мы не там живём».

И я отлично понимаю,
Куда она меня зовёт:
Туда, где ты еще живая,
И время солнечно течёт.

Туда, где ты роняешь блюдце
На счастье – несомненный знак.
Не знает дочка, что вернуться
Нельзя во времени никак.

О Боге и людях

О Боге

Сонет о Боге

Когда ты к небу поднимаешь взгляд,
Там, наверху, ты не увидишь Бога.
Там только тучи серые висят,
Там только солнце, мутное от смога.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.